

УДК 330.1(059)

ББК 65.01

И89

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (главный редактор),
О.И. Ананьин (заместитель главного редактора),
И.А. Болдырев, Г.Д. Гловели, Р.И. Капелюшников,
П.Н. Клюкин, Я.И. Кузьминов, Н.А. Макашева,
Д.В. Мельник (ответственный секретарь),
Н.А. Розинская, Р.М. Энтов

Научные редакторы разделов:

«История экономической науки» — *Р.И. Капелюшников,*
Н.А. Макашева;
«Экономическая теория» — *В.С. Автономов, Р.М. Энтов;*
«Из экономической истории» — *Н.А. Розинская;*
«Из истории экономической мысли русской
эмиграции» — *Г.Д. Гловели;*
«Советская экономика в ретроспективе» — *Д.В. Мельник;*
«Документы и материалы по истории экономической науки
советского периода» — *А.Л. Дмитриев;*
«Рецензии» — *В.С. Автономов*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-1745-1

ISBN 978-5-7598-1745-1 (в пер.)

© Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	6
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	11
<i>Н.А. Макашева</i>	
Романтик-реакционер против мрачной науки	13
<i>Т. Карлейль</i>	
Речь по поводу негритянского вопроса Журнал Фрейзера для города и деревни (Лондон, том XL, декабрь 1849 г.)	24
<i>Дж.С. Милль</i>	
Негритянский вопрос Письмо редактору «Журнала Фрейзера», написанное в ответ на «Речь по поводу негритянского вопроса» Карлейля в «Журнале Фрейзера для города и деревни» за январь 1850 г.	50
<i>Дж. Перски</i>	
Мрачный романтик.....	65
<i>П. Груневеген</i>	
Томас Карлейль, «мрачная наука» и современная политическая экономия рабства	79
<i>Р.И. Капелюшников</i>	
Казус Карлейля, или Кто рассорил экономическую науку с другими социальными и гуманитарными дисциплинами.....	126

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	167
Материалы круглого стола «Истоков» и департамента теоретической экономики факультета экономических наук НИУ ВШЭ «Макроэкономика: кризис парадигмы?» (21 июня 2016 г.)	169
<i>Р.М. Энтов</i> Некоторые особенности современного состояния макроэкономики	169
Выступления и комментарии к докладу Р.М. Энтова	241
<i>К.А. Стырин</i> Об эффекте глобального финансового кризиса и Великой рецессии на макроэкономическую науку	289
ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.....	301
<i>Н.А. Розинская</i> Обзор внешнеэкономической деятельности Российской империи в конце XIX — начале XX в.	303
<i>Масатика Сиотани</i> Производство русского набивного ситца и азиатский рынок в XIX в. Индустриализация с точки зрения продуктовых исследований.....	315
<i>Девон Дир</i> Святые перевозчики: монастыри, ламы и «невидимые» перевозки в русско-китайской торговле в 1850–1911 гг.	338

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	373
<i>Николай Неновски, Пенчо Пенчев</i>	
Русско-австрийская школа в экономической теории в Болгарии: Семен Демостенов и Наум Долински	375
СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА В РЕТРОСПЕКТИВЕ	443
<i>Л.С. Гребнев</i>	
Советская экономика: вид из Госплана СССР 1970–1980-х годов.....	445
<i>Е.Г. Ясин</i>	
Послесловие к публикации Л.С. Гребнева «Советская экономика: вид из Госплана СССР 1970–1980-х годов».....	542
<i>Ю.Б. Кочеврин</i>	
Денежная модель социализма — советский опыт. Историко-экономический очерк	546
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	617
Л.В. Канторович глазами коллег и друзей (к 105-летию со дня рождения)	619
РЕЦЕНЗИИ	701
<i>Л.Л. Васина</i>	
О новом издании первого тома «Капитала» К. Маркса в редакции Томаса Кучинского	703
Об авторах.....	713

От главного редактора

Этот выпуск «Истоков», пожалуй, особенно богат интересными и неожиданными материалами. Раздел «История экономической науки» в этот раз, строго говоря, посвящен не столько истории экономической науки, как обычно, сколько истории эпитета, характеризующего экономическую науку, и контексту, в котором он возник. Речь идет о выражении «мрачная наука», которым с начала позапрошлого века принято называть экономическую науку. Припоминаю, как я когда-то проходил собеседование с целью получить американскую визу, и сотрудник консульства, услышав, что я экономист, понимающе произнес: “Ah, the dismal science?”. Говоря эти слова, мы обычно думаем про Мальтуса с его мрачными пророчествами. Но если разобраться, откуда пошло само выражение, перед нами открываются неожиданные и увлекательные детали. «Мрачная наука» здесь не исключение, значение многих устойчивых выражений настолько стирается от частого употребления, что разглядеть первоначальный смысл очень трудно. Самый яркий пример — «невидимая рука», которая заслуживает не только раздела в «Истоках», но и, пожалуй, большой монографии. Мы решили поместить в этом выпуске первоисточник — полемический и провокативный памфлет Томаса Карлейля, который, ни больше ни меньше, оправдывает рабство в американских колониях и походя порицает новую науку — политическую экономию. Ему жестко отвечает на страницах «Истоков» Джон Стюарт Милль, причем отвечает не как экономист, а как этик. Вот из какого клубка, оказывается, произошло выражение «мрачная наука»! Пытаются его распутать и современные экономисты, как показывают статьи Дж. Перски и П. Груневегена в этом же разделе. Не буду останавливаться на

нем дольше, поскольку читатель найдет здесь увлекательные и очень разные по содержанию статьи Н.А. Макашевой и Р.И. Капелюшникова, которые, по-моему, далеко выходят за пределы сопроводительных.

Раздел «Экономическая теория», на мой взгляд, столь же неожидан и интересен. На заседаниях редколлегии «Истоков» академик Револьд Михайлович Энтов неизменно призывает нас помещать в альманахе материалы о современном состоянии экономической науки. Наконец, видимо, отчаявшись нас убедить, он предложил провести круглый стол по проблемам современной макроэкономики и подготовил как основу для обсуждения большой доклад на эту тему. Круглый стол состоялся на факультете экономических наук НИУ ВШЭ и благодаря высококачественному докладу (мы публикуем здесь его расширенную версию, которую автор существенно дополнил после круглого стола) и подбору участников — как макроэкономистов, так и специалистов по методологии экономической науки — получился удачным, с точки зрения организаторов. Впрочем, здесь важнее точка зрения читателей, которым мы и предлагаем материалы круглого стола.

Раздел «Из экономической истории» носит тематический характер. Мы поместили в него статьи Н.А. Розинской, Д. Дира и М. Сиотани о внешнеэкономических отношениях Российской империи конца XIX — начала XX в. со странами Востока. Этот круг вопросов, на наш взгляд, не слишком хорошо известен широкому читателю, и статьи сборника смогут открыть ему много новой информации, которая может быть небезынтересна, например, в свете планов «Нового Шелкового пути» и расширения Евразийского экономического сотрудничества.

В разделе «Из истории экономической мысли русской эмиграции» мы помещаем статью наших болгарских коллег Н. Неновски и П. Пенчева о деятельности русских экономистов-эмигрантов в Болгарии. Мы уже довольно много знаем об экономистах русской эмиграции, но эта страница истории русской

экономической мысли оставалась нам до сих пор неизвестной. Благодаря изысканиям Неновски и Пенчева мы можем познакомиться с исследованиями С. Демостенова и Н. Долински, учеников и последователей П.Б. Струве, которые, в свою очередь, оказали важное влияние на болгарских экономистов. Эта австрийско-русско-болгарская цепь влияний — интересный пример того, как экономические идеи, меняя гражданство, меняются и сами, вбирают в себя особенности контекста своей новой родины.

Раздел «Советская экономика в ретроспективе» в этом выпуске отведен истории советской экономики. Статья Л.С. Гребнева особенно интересна тем, что в ней сочетаются воспоминания сотрудника Госплана 1970—1980-х годов с рассуждениями исследователя — экономиста и философа о его структуре, отношениях с другими руководящими органами, функциях в экономической системе страны. Взгляд изнутри придает этому рассказу особую живость и занимательность. Интересно последовательное сопоставление автором деятельности Госплана и индивидуального крестьянского хозяйства, которое заставляет вспомнить Вальтера Ойкена, называвшего эти хозяйственные формы видами центрально-управляемой экономики. О том, на какие размышления наводит проанализированный Гребневым опыт Госплана в наши дни, рассказывает Е.Г. Ясин.

Ю.Б. Кочеврин — ведущий исследователь ИМЭМО РАН, известный специалист по новой институциональной экономике, менеджериству, корпоративному управлению, истории экономической мысли в последние десятилетия занимается теоретическим осмыслением советской экономики. В этом разделе читатель может найти его оригинальный анализ теории и практики функционирования денежной системы при реальном социализме в СССР. Мне кажется, что знакомство со статьями этого раздела позволит читателю глубже понять ту экономическую систему, при которой мы прожили без малого 70 лет.

Раздел «Документы и материалы по истории экономической науки советского периода» тоже необычен. Благодаря Антону Леонидовичу Дмитриеву мы получили возможность напечатать ранее не опубликованные воспоминания о Леониде Витальевиче Канторовиче людей, знавших его и помнивших. Со страниц этого раздела встает очень живой образ великого экономиста-математика, которым наша отечественная наука имеет полное право гордиться.

Мы очень долго работали над этим выпуском, искали самые интересные материалы, и то, что получилось, нам нравится. Надеемся, что понравится и вам!

В.С. Автономов

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.А. Макашева

РОМАНТИК-РЕАКЦИОНЕР ПРОТИВ МРАЧНОЙ НАУКИ

doi:10.17323/978-5-7598-1745-1_13-23

Альманах «Истоки» традиционно публикует материалы по истории экономики и экономической мысли. Но нечасто мы «забираемся» так далеко во времени и пространстве и при этом обнаруживаем множество перекличек с современными проблемами в экономической науке, политике и просто в жизни. В данном разделе альманаха представлено несколько материалов, относящихся к образу экономической науки в истории, но не только. Контекстом рассмотрения этого вопроса стала дискуссия по проблеме рабства в середине XIX в. в Англии, в которой приняли участие многие, практически все знаменитые люди того времени, от Дизраэли до Диккенса, от Дарвина до МакКуллоха. Обращаясь к этим материалам, мы попадаем в золотой век Англии, век ее парламентаризма, утверждения ее экономического и политического могущества в мире, наконец, в век, когда экономическая наука, политическая экономия, была английской (и шотландской).

Две первые статьи — это статьи из прошлого, которые принадлежат перу непосредственных участников дискуссии, в ходе которой были подняты вопросы, выходящие за проблематику рабства. Разумеется, эти две статьи — лишь верхушка айсберга бурлящей социально-политической, философской и экономической мысли Англии того периода. Нам же они интересны прежде всего как яркий эпизод в истории экономической мысли, хотя

вопросы, которые в них ставились и обсуждались, выходили за рамки экономической науки.

Две другие предлагаемые в разделе статьи написаны современными авторами и отражают ретроспективный взгляд на обсуждавшиеся в XIX в. проблемы, прежде всего те, которые касались экономической науки, ее предмета, метода и философских оснований.

Возмутителем спокойствия, во многом благодаря которому дискуссия середины XIX в. приобрела чрезвычайно острый характер и чья позиция по проблеме рабства и ряду других связанных проблем вызвала резкую и противоречивую реакцию как современников, так и представителей последующих поколений, и продолжает озадачивать современного читателя, был английский литератор, переводчик, общественный деятель и социальный философ Томас Карлейль (1795–1881). Его часто называют «мрачным романтиком», подчеркивая связь с романтизмом начала XIX в. (прежде всего немецким) и одновременно указывая на его романтический (vs научный) подход к общественным явлениям.

В настоящем издании в русском переводе представлена статья Т. Карлейля «Речь по поводу негритянского вопроса» (“Occasional Discourse on the Nigger Question”), которая была опубликована впервые в 1849 г. в английском журнале “Fraser’s Magazine for Town and Country”¹.

Другая статья из прошлого — «Негритянский вопрос» (“The Negro Question”) принадлежит перу друга и оппонента Карлейля и не менее знаменитого человека — экономиста, одного из виднейших представителей классической школы политической экономики, философа — позитивиста и утилитариста Дж.С. Милля (1806–1873). Эта статья — по существу, краткий, особенно если

¹ В 1850 г. она с небольшими изменениями была опубликована отдельным изданием.

принять во внимание литературные традиции того времени, и достаточно резкий ответ Карлейлю, была опубликована в 1850 г. в том же журнале.

Несмотря на сохранявшиеся до момента этих публикаций дружеские отношения между этими двумя выдающимися людьми, для Карлейля Милль был олицетворением враждебной ему социальной философии и экономической науки. Основная претензия Карлейля к последней состояла в том, что в качестве главного закона экономической жизни она провозглашает закон спроса и предложения, а в качестве главного принципа отношений между людьми — денежный. Милль был явной или неявной мишенью Карлейля как в представленной в настоящем разделе статье, так и во многих других работах, где Карлейль критиковал классическую политическую экономию, философию и политику либерализма, а также материалистическое понимание истории.

В первой из современных статей «Мрачный романтик» (“A Dismal Romantic”) профессор Иллинойского университета в Чикаго Дж. Перски предлагает краткую характеристику взглядов Карлейля с упором на сюжеты, близкие экономике. Он сосредоточивается на проблеме «мрачности» науки, в связи с чем обращается к работам не только Карлейля и Милля, но и принадлежавшего к более раннему поколению Т. Мальтуса (еще одного властителя дум образованного английского общества и, заметим, друга Милля-отца), знаменитая работа которого «Опыт о законе народонаселения» (1798) стала для Карлейля одним из первых свидетельств мрачности современной ему общественной науки. Вторая статья, озаглавленная «Томас Карлейль, “мрачная наука” и современная политическая экономия рабства» (“Thomas Carlyle, ‘Dismal Science’, and the Contemporary Political Economy of Slavery”), написана профессором Университета Сиднея П. Груневегеном и содержит обстоятельный обзор с современных позиций публикаций на темы, затронутые Карлейлем

и Миллем. Обе указанные статьи помогают читателю погрузиться в дискуссию, связанные с именем Карлейля и длящиеся уже более полутора столетий.

Когда мы пытаемся судить о Карлейле, в том числе и об его отношении к экономической науке, следует иметь в виду, что в отличие от Милля и Смита Карлейль не строил и не стремился строить систему знания об обществе или экономике. Он был скорее проповедником, чем ученым, скорее литератором, нежели исследователем. Он мало заботился о строгости своих рассуждений и часто компенсировал пробелы в логике эмоциональным накалом. Нельзя не согласиться с оценкой, данной ему почти сто лет назад русским историком и социологом Н.И. Кареевым: «Карлейль был писателем и мыслителем субъективным в наивысшей степени. Для него все дело было не в понимании или непонимании мира, а в его приятии или неприятии, не в познании, а в переживании, не в объяснении действительности, а в ее оценке»².

Главной опорой Карлейля была вера, а не разум, целью — поиск вечной, не зависящей от обстоятельств правды. Свое понимание того или иного вопроса он основывал не на науке в нашем ее понимании, а на вере. Он полагал, что «людьми и их поступками управляют не материальные, а нравственные силы» и что нравственность, основанная на вере, должна определять нашу жизнь. Он был не социальным реформатором, а обличителем пороков, и, как писал один немецкий исследователь его творчества, «проповедником не нового общественного строя, а обновления человеческих душ на основе совести, долга, альтруизма, т.е. проповедником морали, притом часто в религиозной оболочке»³.

Отсюда понятно его эмоциональное отношение к положению как бывших рабов в колониях, так и белых работников

² Кареев Н.И. Томас Карлейль. Пг., 1923. С. 39.

³ Гензель П. Т. Карлейль. СПб.: Издание редакции «Образование», 1903. С. 151.

в метрополии, романтизация прошлого, когда, как ему казалось, отношения между людьми не были пропитаны духом наживы, а сильные и умные подчиняли слабым и не очень умных (во всяком случае не обладающих героическими качествами), одновременно обеспечивая им заботу. Карлейль нес бремя защитника человечества и человека от него самого, а образ правильного порядка видел в прошлом. Милль выступал за новый либеральный общественный порядок, отдавал предпочтение ненавистной Карлейлю системе *laissez-faire*, осознавая при этом ее отрицательные стороны, а экономическую науку он видел абстрактной, дедуктивной дисциплиной, при этом понимая ее возможности и границы. Карлейль и Милль противостояли не только как носители различных взглядов и убеждений, но и как личности, говоря словами поэта, как волна и камень, лед и пламень.

Непосредственно предметом предлагаемой здесь статьи Карлейля является положение дел в экономике английских колоний в Вест-Индии, и прежде всего на Ямайке, которая была важнейшим производителем сахара. Сложное, если не сказать драматическое, для производителей сахара положение, имевшее к тому же серьезные последствия для метрополии, сложилось в результате стечения нескольких обстоятельств. В 1833 г. был принят закон об отмене рабства (*Slavery Abolition Act*), потом вступили в силу законы, направленные на развитие свободной торговли (разумеется, не без давления со стороны определенных либерально настроенных политиков): были отменены покровительственные пошлины на сахар (1846 г.) и Навигационный акт (1849 г.).

Обсуждая ситуацию на Ямайке, автор выходит за рамки данной проблемы. Для него чисто экономические вопросы — это, скорее, повод высказаться по таким проблемам, как природное неравенство людей (заметим, не только принадлежащих к разным расам) и необходимость управления одних людей другими. Он был убежден, что слабые и неумные *от природы* должны управляться (причем любыми методами) теми, кто *от природы* (от

Бога) умнее, энергичнее, имеют волю и чувствуют ответственность, т.е. теми, кого можно назвать героями⁴.

Тема героя⁵, или роли личности в истории, — одна из стержневых во всем творчестве Карлейля. Причем эта тема имеет у него и экономическое звучание, хотя это для него не главное. По мнению Карлейля, в экономической сфере действуют свои герои, но это не военные и не первооткрыватели типа Колумба, а капитаны современной (заметим, капиталистической) промышленности. Они призваны твердой рукой наводить порядок в экономической жизни, подобно тому, как это сделал Колумб на своем корабле, плывущем к неизвестным землям⁶. Задача экономического героя — навести порядок, т.е. заставить трудиться работника на том поприще, которое тому предопределено. Для Карлейля труд (это центральное понятие экономистов) — категория прежде всего нравственная. Труд не тяжелое бремя, не суровая необходимость ради поддержания жизни и, конечно, не затраты силы или времени, а обязанность и призвание, в котором «заключается благородство и даже святость», «труд по природе своей религиозен», «трудиться значит молиться»⁷.

⁴ Существует огромная литература, посвященная взглядам Карлейля на расовую проблему и его философии героя. Философы, исследовавшие природу фашизма и тоталитаризма, обращались к Карлейлю как одному из духовных отцов этих явлений XX в. Достаточно назвать Х. Арндт и Б. Рассела. Для того чтобы представить масштабы влияния Карлейля, могу порекомендовать обратиться к соответствующей главе в книге: *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. М.: Академический проект, 2003.

⁵ Идеей героя проникнуты его работы «Прошедшее и настоящее» (1843), «Герои и героическое в истории» (1841).

⁶ «Смелый морской капитан, величайший из морских королей, Колумб был истинный герой... Мятеж людей ты строго подавляешь, их слабость и нерешительность ты побеждаешь своей смелостью и затаиваешь в себе все жалобы, все неразумие, всю усталость и слабость свою и других» (*Карлейль Т.* Загадка сфинкса. М., 1900. С. 61).

⁷ Там же. С. 54, 58, 65.

Из «Речи» может возникнуть впечатление, что обязанность трудиться Карлейль возлагает только на бывших рабов или бедных ирландцев⁸. В действительности же для него заповедь трудиться, причем на том поприще, которое определено свыше, — это требование ко всем, без различия расы, общественного положения, пола, возраста, уровня благосостояния. Он обращает свою проповедь и к представителям обеспеченных классов. Однако если способы добиваться выполнения заповеди трудиться рабами и бедняками для Карлейля в общем ясны — жесткое руководство, в одном случае — плетка, а в другом — рабочие дома, то в отношении обеспеченных классов дело обстоит сложнее. По существу, здесь Карлейль ограничивается проповедью. При этом он ставит важную проблему качества элиты, предлагает различать настоящую, «трудящуюся» аристократию и аристократию праздную. Дилетантизм праздной аристократии он считает едва ли не более опасным явлением, чем мамонизм, насаждаемый либеральной экономической философией, поскольку последний по крайней мере ориентирует на труд, хотя, увы, и ради получения материальных благ.

«Речь» Карлейля, скорее всего, вызовет у современного читателя недоумение, протест и отторжение, что вполне объяснимо и показывает, как много изменилось со времен Карлейля. Чего стоят только название статьи, рассуждения о сидящих по уши в сладких тыквах бездельниках (заметим, только что избавленных от принудительного труда, который обеспечивал их владельцу примерно 14 фунтов чистой прибыли в год от каждого при затратах на содержание в 20 фунтов)⁹.

⁸ Ирландский вопрос — это отдельная и болезненная тема, которая многие десятилетия (если не сказать, столетия) присутствует в общественно-политической и экономической мысли Англии. Для Карлейля ситуация в Ирландии — это еще один повод высказаться против экономической философии либерализма.

⁹ *Burnard T., Panza L., Williamson J.* The Social implications of sugar: Living costs, real incomes and inequality in Jamaica c1774 // NBER Working Paper. 2017. No. 23897.

Не могут не задеть нас и высокопарные рассуждения о миссии белого человека по обустройству этого мира (решившего выращивать сахарный тростник руками рабов в определенном месте земного шара) или пренебрежительная оценка благотворительных фондов, призывавших помочь недавно освобожденным рабам (заметим, в то время как правительство не осталось равнодушным к участи их бывших хозяев и выделило в качестве компенсации огромную по тем временам сумму в 20 млн фунтов).

На этом фоне даже справедливое напоминание о бедственном положении английских трудящихся не производит сильного впечатления. В данной работе Карлейль, конечно, не делает акцента на этой проблеме (более подробно он писал о ней в работе «Прошедшее и настоящее»), но мы знаем, что в конечном счете, т.е. в *долгосрочной перспективе*, прав оказался Милль, полагавший, что беды рабочих, связанные со становлением капитализма, являлись временными¹⁰. В середине XIX в. трудно было предвидеть тот значительный рост благосостояния английских трудящихся, который имел место в течение последующих десятилетий. Однако это не меняет того факта, что положение рабочих действительно было чрезвычайно тяжелым¹¹, хотя трудно сравнивать положение рабочих с положением рабов на плантациях.

Бедствия трудящихся в Англии Карлейль считал следствием отношений, утвердившихся во многом под влиянием той экономической науки, которую он называл арифметической философией прибыли и убытков. Отвечая в работе «Чартизм» своим оппонентам-экономистам, полагавшим, что «бедствия рабочих

¹⁰ Милль Дж.С. Основы политической экономии. Кн. IV. Гл. VII. М.: Эксмо, 2007. С. 769–780.

¹¹ Всем известна работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1955. С. 231–517), опубликованная в 1845 г., т.е. почти одновременно с работой Карлейля «Чартизм» (1840) и «Основами политической экономии» Милля.

имеют временный характер, что в будущем все само собою образуется в наилучшем виде», он писал: «Пусть будет так, но нужно же подумать и о настоящем»¹². Добавим к этому следующую характеристику позиции Карлейля в отношении вмешательства/невмешательства, которую дал один из исследователей более ста лет назад: «Начало *Laissez-faire* в сущности значит не что иное, как только отречение со стороны правителей, признание, что они не способны к правлению, не желают вмешиваться»¹³. И здесь мы невольно вспоминаем известное положение: «Долгосрочная перспектива плохо подходит для обсуждения текущих проблем. В долгосрочной перспективе все мы умрем. Экономисты слишком облегчают свою задачу, если в сезон бурь могут лишь сказать, что когда шторм окончится, поверхность океана станет гладкой»¹⁴.

Можно отметить, что Карлейль указывал на ограниченность долгосрочной перспективы анализа, которую отстаивала классическая теория, и на ответственность правителей за состояние текущих дел. Не здесь ли намечался прообраз будущих споров между кейнсианцами и неоклассиками по поводу временной перспективы анализа? Разумеется, я не провожу параллелей между взглядами Кейнса и Карлейля.

Однако вернемся к вопросу о «мрачной» науке. Почему использовалось определение «мрачная», а не более научное, например, «ограниченная», «неполная» или «односторонняя»? Мне

¹² Кареев Н. Указ. соч. С. 89.

¹³ Окольский А. Фома Карлайль. Английское общество в XIX столетии. Варшава, 1893. С. 64.

¹⁴ Keynes J.M. A tract on Monetary Reform // John Maynard Keynes Keynes Collected Writings. Vols 1–30. L.: Macmillan. Vol. 4. P. 65. Несколько иначе, на мой взгляд, не совсем удачно, эта цитата была переведена в русском издании 1925 г. и перепечатана в: Кейнс Дж.М. Трактат о денежной реформе // Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 774–894. С. 819.

кажется, все дело в Карлейле и его *ненаучном*, эмоциональном, проповедническом подходе к явлениям общественной жизни. Очевидно, что, называя экономическую науку мрачной, он имел в виду мрачную картину мира, за создание которой эта наука несла ответственность. Наука «мрачная», потому что она представляет мир в виде cash-nexus, где человек превращается в человека экономического и остается один на один со своими проблемами без совета и поддержки. Подобные высказывания напоминают высказывания некоторых критиков мейнстрима. И уже одно это свидетельствует о том, что довольно странные мысли Карлейля не утратили актуальности. Не случайно и в наше время работы Карлейля переиздаются, публикуются и исследования, ему посвященные, как на Западе, так и в России¹⁵.

Для историка экономической мысли всегда интересен процесс утверждения новой системы взглядов, причем как на стадии формирования корпуса теоретических воззрений, так и на стадии их воплощения в практической политике. В данном случае

¹⁵ В России, насколько мне известно, первые переводы работ Карлейля появились в 1860-е годы, но активно эта работа шла в начале XX в. Карлейля называют «властителем дум Европы XIX столетия» (*Горбов Н.* Предисловие к: Карлейль Т. Речь, произнесенная при вступлении в должность лорда ректора Эдинбургского университета. М., 1902. С. 3), «пророком новейших времен» (*Брихничев И.* Пророк новейших времен // Карлейль. Крестьянин святой. М., 1912. С. 1). Несколько десятков упоминаний имени Карлейля можно обнаружить в собрании сочинений Л.Н. Толстого, а в черновиках к «Анне Карениной» Карлейль упоминается в числе серьезных книг, с которыми героиня вполне знакома. Интерес к Карлейлю понятен как из-за внимания к проблеме личности в истории и споров о перспективах капитализма и роли демократии, так и в связи с этико-социальными и религиозными направлениями в общественной мысли. Не случайно в 1906 г. на русском языке издавались выдержки из работ Карлейля, посвященные труду, а в предисловии к этому изданию В. Битнер подчеркивал важность противостоять крену в сторону материализма и необходимость вслед за Карлейлем делать «упор на чувстве нравственности и веры» (*Карлейль Т.* Этика жизни. СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1906. С. 2).

речь идет о резкой критике классической политической экономии и либеральной социальной философии через несколько десятилетий после публикации «Богатства народов», когда, с одной стороны, идеи либерализма стали воплощаться в ряде важных политико-экономических законов, а с другой — обнаружилось последствия, если можно так сказать, «чистого», стихийного капитализма. В своей критике капитализма и либеральной доктрины, несмотря на ее одиозную форму, Карлейль, возможно, интуитивно обозначил проблемы, которые предстояло обсуждать экономистам на протяжении столетия после него.

Самым важным выводом, который историк экономической мысли может сегодня сделать из знакомства с представленными работами (прежде всего работой Т. Карлейля), является признание исключительной значимости понимания исторического, социального и культурного контекстов, а также необходимость учитывать собственную исторически обусловленную предвзятость.

The Origins: Economics — “the Dismal Science”? [Text] / Editorial Board: Vladimir Avtonomov (Editor-in-Chief), Oleg Ananyin (Deputy Editor-in-Chief), Denis Melnik (Secretary-in-Chief) et al. ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2019. — 720 pp. + 4 pp. ill. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-1745-1 (hardcover).

The 9th issue of the almanac *The Origins* (“Istoki”) contains several sections. The first one offers a provocative pamphlet by Thomas Carlyle, who coined the famous epithet “dismal science” referring to political economy in the context of the justification of slavery in American colonies. On the pages of this book, he is answered by John Stuart Mill. The articles by the modern economists J. Persky, P. Groenewegen, N.A. Makasheva, and R.I. Kapeliushnikov also discuss this subject. The second section contains the texts presented at the Round table on the issues of modern macroeconomics, which include a fundamental contribution by R.M. Entov. The almanac also features articles by N.A. Rozinskaya, D. Dear and M. Shiotani on the economic relations between the Russian Empire and the East in the late 19th — early 20th centuries, as well as an article by the Bulgarian colleagues N. Nenovsky and P. Penchev on the activities of S. Demosthenov and N. Dolinsky, Russian émigré economists in Bulgaria. The article by L.S. Grebnev, an employee of the Gosplan in the 1970s and 1980s, is dedicated to the history of the Soviet economy. E.G. Yasin shares his reflections inspired by the analysis of Grebnev’s article. Yu.B. Kochevkin’s article contains an original analysis of the theory and practice of the functioning of monetary system under real socialism in the USSR. The issue concludes with a previously unpublished memoir about L.V. Kantorovich.

The almanac is designed for students and professors of economics, as well as for researchers and all interested in the history of economic thought and national economy.

Научное издание

**Истоки:
Экономика — «мрачная наука»?**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *З.А. Басырова*
Художник *В.И. Каменева*
Компьютерная верстка: *С.В. Родионова*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 60×88/16
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 43,65
Уч.-изд. л. 35,5. Тираж 600 экз. Изд. № 2163

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59